

Год пролетел незаметно, песочные часы были у меня в кармане. Я выращивал цветы, читал газеты и усердно работал, чтобы улучшить свои навыки рисования, но безрезультатно.

Это было похоже на то, что мои художественные способности были прокляты. Когда другие люди рисовали виноградную лозу, она выглядела как виноградная лоза, но когда я рисовал виноградную лозу, она выглядела как картофель или, возможно, воздушный шар. В любом случае, это точно не была виноградная лоза.

И при таком чертовски медленном темпе прогресса, чтобы нарисовать реалистичное изображение Жун Цяньшаня, мне, вероятно, понадобилось бы прожить еще десять тысяч лет.

Мне было 67 лет. Если бы Жун Цяньшань был еще жив, он приближался бы к 70 годам, и он действительно достоин называться вонючим стариком.

Я растянулся на кровати и стал смотреть на крошечную тьму за окном.

Я думал, что прожил замечательную жизнь. Я любил человека из другого мира всю свою жизнь, и я пересекал пространство и время, чтобы встретиться с ним. Если все на Земле были просто толпой муравьев, то я должен быть муравьем с самым удивительным приключением.

Думая об этом, я взял в руки песочные часы. Внутри стекла был тонкий слой песка, которого хватало на последний шанс увидеть Жун Цяньшаня.

Я подумал о кладбище слонов, мистическом и торжественном, с выгнутыми ребрами, похожими на большие морские суда, разбросанные по песку, отражающему кроваво-красный оттенок заходящего солнца, лучи которого, как нож, кололи мои глаза. Я был Мерсо у Камю, я был бродягой, ожидающим Годо, я был Грегором Замзой*, превратившимся в насекомое. Я думал о многом, но больше всего я думал о Жун Цяньшане.

*герой произведения Ф. Кафки «Превращение» (1915 г.)

Я влюбился в него обычным утром. Я без умолку болтал с ним о гуманизме, рассказывая о вещах настолько неинтересных, что даже сам не уверен, как мне удалось выдержать свою лекцию. Я беспрестанно говорил на самые разные темы: от западной философии эпохи Цицерона до эпохи Возрождения, от свободы и морали до человеческой природы, пока мое горло и язык не пересохли, и у меня не оставалось другого выбора, кроме как глотать воду.

Одно из преимуществ встреч во сне заключается в том, что все, что вы хотите, вы получите. Мне захотелось попить воды, и рядом со мной появилась бутылка с водой.

Жун Цяньшань улыбнулся и сказал:

— Я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью в церкви.

— Кхе...— я поперхнулся водой, чуть не проснувшись. — А?

— Ты только что сказал, что гуманизм был противостоянием и преодолением оков средневековой христианской теологии. — сказал Жун Цяньшань.

Я испытывал огромное чувство, что меня ценят.

Он на самом деле слушал каждое слово, каждое предложение. Заниматься философией было довольно одиноким занятием. Многие профессора покончили с собой, но не из-за безумия, а потому, что не было никого, кому они могли бы излить душу, некому было их слушать. В конце концов, они могли только погружаться в безграничную теорию, обращаясь с монологами к космосу.

Я посмотрел на Жун Цяньшаня, исполненный благоговения. В следующий раз, когда он будет читать мне лекции по физике, я обязательно буду слушать, не отвлекаясь.

32

Я отвлекся.

Жун Цяньшань, извини.

33

Любовь была эфемерной, вездесущим, неоднозначным газом, которому нужна была лишь мимолетная искра, чтобы охватить прерию бушующим пожаром.

— Секрет долгой любви заключается в сохранении ощущения свежести. — сказал Жун Цяньшань.

И я должен сказать, что он справился с этим.

До конца жизни он оставался для меня потрясающим.

Он был бесконечно трепещущим пламенем моей жизни.

34

Я нажал красную кнопку, приходя вместе с песочными часами в последний раз.

35

— Профессор Жун, здесь.

Я стоял у входа в лабораторию, внимательно наблюдая за Жун Цяньшанем. Он уже не был молод, выглядел как человек лет пятидесяти, с морщинами в уголках глаз.

Он взял пробирку, кивнул и сказал:

— Спасибо. — его взгляд проскользнул мимо меня, прежде чем остановиться на мне. — Инвэнь?

— Сколько тебе сейчас лет? — спросил я.

— Пятьдесят девять. — сказал он.

— Ты не выглядишь на пятьдесят девять. — сказал я. — Все еще такой красивый.

— Точно. — он улыбнулся. — Ты давно не приходил ко мне.

— Я не осмеливался мешать нашему юному роману. — я пожал плечами, затем подошел. — Я

пришел принести тебя кое-что.

Я раскрыл руку, на моей ладони лежали песочные часы. Внутри песочных часов было пусто, ни единой песчинки.

Он поднял песочные часы.

— Что это?

— То, что ты дал мне, чтобы я мог увидаться с тобой. — сказал я. — Ты ушел раньше меня.

— Когда я ушел? — спросил он.

— 6 мая, когда тебе было 67. — ответил я. — Я... — внезапно я увидел кусок металла на его затылке. — Что это?

Выражение его лица стало неестественным:

— Ничего.

Я протянул руку, чтобы погладить его затылок, но этот кусок металла держался крепко, как будто он был вонзен в его кожу в течение долгого времени.

— Ты сказал мне, что если частота мозга одного человека совпадает с частотой мозга другого человека из другого мира, они могут встретиться друг с другом. Это... это регулятор?

Он посмотрел на меня в шоке.

— Ты уверен, что изучаешь философию, а не физику?

— Я твой самый выдающийся ученик. — я спросил. — Ты носишь эту вещь уже двадцать лет?

— Я ношу его с тех пор, как встретил тебя. — он сказал. — Я даже не чувствую его.

Я посмотрел ему в глаза с явным недоверием.

— Мне было немного больно имплантировать его, и я не мог сделать никаких МРТ, но в остальном все в порядке. — сказал он мягко.

— Ты имплантировал себе в голову кусок металла! — повысил голос я.

— Это же ты полжизни прожили в психушке, разве нет?! — парировал он.

Ладно, ты действительно способный. Я в гневе развернулся, но он остановил меня.

— Не уходи. — сказал он. — Тебе пора идти?

— Не знаю, ты же его разработал. — сказал я и медленно выдохнул. — Я пришел попрощаться.

36

Я чувствовал, что моя жизнь подошла к концу, как последнее мерцающее пламя изношенного фитиля свечи.

Жун Цяньшаню того времени было 59 лет, и он был полон сил. Ему и 56-летнему мне было о

чем поговорить.

О, я наконец-то понял, почему настроение Жун Цяньшаня испортилось в тот день.

Он сказал мне, что кто-то умер, но не сказал, кто именно.

Он видел мою смерть своими собственными глазами.

37

Он посмотрел на меня с неуверенностью:

— Прощай?

— Мне 67. — сказал я. — Я принимал ризперидон в течение 30 лет, и мое сердце разрушалось в течение долгого времени. И... — я на мгновение замолчал, подчеркнув. — Ты ушел на два года раньше меня. Ты заставил своего помощника подарить мне песочные часы на твоих похоронах. — добавил я. — В тот день в Ханчжоу в моем мире произошло землетрясение магнитудой 6,0 баллов.

Он открыл рот:

— Я заставил два города резонировать.

— Да, твой мир Ханчжоу и мой мир Ханчжоу слились воедино. Я присутствовал на твоих похоронах. Песочные часы помогли мне пересечь границу между мирами, чтобы увидеть тебя. Ты вручную устроил нашу встречу.

— Подвиг, достойный меня. — сказал он, гордясь собой.

Да, подвиг, достойный тебя.

38

— Это последний раз. Чего ты хочешь? — спросил я.

— Я хочу, чтобы ты прочитал мне лекцию об идеологии Шраман*. — сказал он.

*Шрамана — странствующий монах, аскет, религиозный подвижник в Древней Индии. Важной отличительной чертой шраманов являлось отрицание авторитета Вед. Они отказывались от семейных связей, путешествовали, жили подаянием. Многие шраманы практиковали умерщвление плоти. Согласно типичной шраманской точке зрения, человек сам ответственен за свои поступки.

— ...Ты серьезно? — я чувствовал, что он немного перегибает палку.

— Тогда зачем ты спрашиваешь, подойди сюда и поцелуй меня. — рассмеялся он.

Похожий на перышко шрам на его правой брови тронул мое сердце. Я прожил свою жизнь не как птица, стоящая на куске дерева; я был воздушным змеем в руках Жун Цяньшаня.

Я был тем, ради кого он преодолел границы Вселенной.

39

Мои руки медленно становились прозрачными. Я понял, что мне пора уходить.

Он сжимал мою руку так, что мог только хватать ртом воздух.

Я прошептала ему на ухо:

— Я люблю тебя.

40

Я присутствовал на его похоронах. Он оставил мне песочные часы.

Он видел, как я доживал свой век. Я вернул ему песочные часы.

Мы снова и снова проходили через эти два мира, становясь неразрывной, бесконечно повторяющейся лентой Мебиуса.

41

Приглашение я получил, когда мне было 65.

Жун Цяньшань умер.

[Конец]

<http://bllate.org/book/14295/1265883>